

БОРИС КУПРИЯНОВ

П Р И Г О В О Р

В дебрях смерти утомленной,
в долгих ангела руках
ты признался. Ты влюбленный
человек. Любовь в веках.

Или скарядного неба
для признаний таковых,
слишком ветренная Геба
жизнь форсирует, как стих.

А я да не яблоко вкушаю,
а над подсвечником дрожу.
Я тебе **на** разрешаю
и себе не разрешу.

Из копытца в царстве парных
горькой водки не искал,
а искал чудес словарных
и взалкал.

Горе роце маловерной,
не сумевшей птиц ласкать.
Слава мышце подреберной
все прощающей **опять**.

С Т А Н С Ы

Что же, санки давно отдыхают. Мальцы обманулись.
Ветер вылетел вспять, замораживать прошлое слово.
Навсегда наши тени в зеленых колодцах надулись.
О, никто не читает сравнительно новых.

Я руками кричать научился на улицах старых.
Зарекаюсь судить. Потрошу привезенное тело.
Благодетель духовный отправил, остался замаран.
Гонит стадо усопших, распухших, дебелых.

За кудыкину горку загнав распаленное братство,
господин позабыл назначенье лихого похода.
Помешался, отправил. Ему не напомним убранство,
ничего не напомним! Пусть смотрит на воду.

Я не выйду из дома. Мое привезенное тело
перетерпит родня, передернется смертной истомой.
Господин, разве сердце твое не болело
в первый день объявленья: "Родился не дома".

Как давно это было. За голосом слов не узнаешь,
напечатанных столбиком в темном альбоме.
Трудно, поздно. К полуночи все вспоминаешь.
Остаешься один в перевернутом доме.

X X X

В. Левитину

Зажиточное прошлое мое !

О, вечное раздолье узнаванья.

Зажиточное в смысле искупленья.

Вины кристальный водоем

и лебеди плачевные на нем.

И к самому себе из состраданья

безумно обращенное признанье ...

И головы гордящийся залом.

И облака предсмертные покровы.

ЦВЕТ РАСКОЛОТОГО КАМНЯ

(опыт современной баллады)

I

Плыли четверо: чиновник, оборотистый поэт,
и садовник с попугаем, краснолицым попугаем,
промолчавшим, промолчавшим, промолчавшим пол пути.
Пол пути еще осталось. Небо с морем помирилось.
Был туман. Слова искали только Бога одного.

2

У поэта сохли спички возле левого сосочка.
Жить без курева ужасно, а поэту во сто крат.
Насморком страдал чиновник, а садовник без причины
по карманам, по коленкам — хлоп да хлоп — искал линейку.

3

"Говорите, что хотите". — ласково сказал чиновник.
"Только, что ни говорите, — я не слышал ничего!"
"Ляг на днище, жди заданье", — подал голос стихотворец.
"В мире будет преступленье: я теперь пишу сонет,

4

я сейчас ищу название:
О, если символ смерти есть скелет!
Зачем на мне никчемные одежды?
Певец проблемной смерти, иль невежда?
Я выведен, введен и вот во что-то вдет.

ЦВЕТ РАСКОЛОТОГО КАМНЯ

(опыт современной баллады)

I

Плыли четверо: чиновник, оборотистый поэт,
и садовник с попугаем, краснолицым попугаем,
промолчавшим, промолчавшим, промолчавшим пол пути.
Пол пути еще осталось. Небо с морем помирилось.
Был туман. Слова искали только Бога одного.

2

У поэта сохли спички возле левого сосочка.
Жить без курева ужасно, а поэту во сто крат.
Насморком страдал чиновник, а садовник без причины
по карманам, по коленкам — хлоп да хлоп — искал линейку.

3

"Говорите, что хотите". — ласково сказал чиновник.
"Только, что ни говорите, — я не слышал ничего!"
"Ляг на днище, жди заданье", — подал голос стихотворец.
"В мире будет преступленье: я теперь пишу сонет,

4

я сейчас ищу название:
О, если символ смерти есть скелет!
Зачем на мне никчемные одежды?
Певец проблемной смерти, иль невежда?
Я выведен, введен и вот во что-то вдет.

5

Зачем я в этом воздухе?! поэт?
Куда плыву? Зачем я между
землей и небом? Где мой след?
Вогните выгнутые вежды ...

6

идите дети, не шутя,
другим путем, путем закона!
И руки Вожики крутя,
ласкайте собственные стоны,
свое безумие вилетя
в упор страны и обороны".

7

"Что за слово? В первом классе
я стоял лицом к обоям.
Незабудки, незабудки, не забуду никогда ...
Позабыл. Пльвите песни. Я плыву. Скрипеть зубами
научились попугаи, научились по ночам.
Музыка моя родная!" - и садовник замолчал.

8

А поэт, втиравший руки в очень серые брючата,
промычал каким-то прошлым, перебитым голоском:
"если к сердцу принимают этот приступ озаренья,
значит я гонец за тенью, значит все-таки гонец!"

"Кто сказал?" - спросил чиновник.

"Разве можно бросить друга?

Неужели безвозвратно? Неужели никогда?"

"Ты восстал. Садись за карты". - и поэт толкнул

чинушу полюбовно, без подтекста,

только тот не удержался и расплакался совсем.

"Семь вторых", - сказал садовник.

"Пасс", - пролепетал чиновник.

"Восемь крест", - играй поэт!

Открываюсь. При марьяже

я на даму отдаю.

На червовую, на даму мне гадала Дева смерти.

С этой куклою проклятой я придуриваться стал.

Впрочем ..., что за откровенья? Мы заказаны, завзяты!"

"Мы плывем", - сказал садовник.

"Если бы", - сказал поэт.

Что за шутки? Нету шуток.

"А хотите анекдот?" - оживился вдруг чиновник.

"Он пришел, а там любовник". - "Кто пришел!?"

"Как кто? - Чиновник! А любовник - генерал.

Вроде Вас: стихи, цветочки. У меня семья - две дочки".

13

"Что за слово? В первом классе
я стоял лицом к обоям.
Я стоял в углу. Угольник.
Не забуду никогда.
Угол, угольщик, угольник,
уголек, каленый камень,
цвет расколотого камня,
серебристый цвет угла.

14

"Мне сейчас на смену надо.
Я запаздываю очень".
И садовник тело бросил
через белый подоконник, за борт.
И добыл покой.

Элегических числ от листа потревоженных мягко,
незадувший свечи освещаешь пространство - вестимо.
Каждый звук, как ракушка - проевшая камень пиявка,
силой родственной крови пресыщенной, но не делимой.

Песнь, сама по себе, развивайся и знайся с подобной.
Не смотри на часы, человек обеспеченный чудом.
Сколько выпретенных знаков на улице нашей загробной,
не познавших пределов своей амплитуды.

Здравствуй, лирик, ньютоновой крепи не знающий, здравствуй!
Здравствуй, трагик, познавший ньютоновы крепи!
Отлетаю. Листок стихотворный не властвуй.
Глупо только в пустыне, но наши умнейшие степи
научили летать не одни только тучи железа.
Этим тучам подстать наши души словесного среза.

Так о чем же я начал? О гласных, согласных и прочих
соглядатаях сердца, ракушках, камнях и цветочных
испарениях муки, вражды и любви!
Здравствуй, ветер, степных и счастливых низовий.

ПЕСНЬ ОДИССЕЕВА СПУТНИКА

О.Охапкину

Хаотюда, Сцилла! ~~Фиг~~овый листок
давно не парус. Одиссей привязан.
Я рядовая тварь, играю на зубок.
О, если б это небо стало вязом.

Чтобы ни звезд, ни дождика, ни зги.
Ни звука позвоночника на сломе.
Чтоб под глазами синие круги,
после попойки в деревенском доме.

Харибда, Сцилла. Черная вода.
Крапленая небесная колода.
Кто выдумал, чтоб жизнь была беда,
а самой страшною бедой была свобода.

Свободен сорок раз прозревший зверь!
И сорок раз еще прозреть готовый.
Я рядовая тварь: вчера, потом, теперь.
Для всех и вся смотревший сон не новый.

П О Р Т Р Е Т

А.Генадиеву

Вдохновенные крющья сжигаемый воздух сожрет.
Кисло-сладкое чудо просохнет. Художник вернется.
Что останется? - Серое скопище нот.
сквозь листву золотую над всем черно-белым смеется.

Где ты саблю свою обронил, молодой человек.
До чего же земля для твоей перспективы поката.
Копьецо голубое, серебряный взгляд из-под век!
Все светое попрятано в страшную сумку солдата.

Я хочу обнадеежить, сослаться на зоркость и злость,
поступиться предельными знаками друга и брата.
Я хочу, чтобы младость окутала гневную кость,
чтоб вымерли тени в углу твоего медсанбата.

На гравюра наколота, зверь в удаленьи дрожит.
Моментальная дама кохочет, и плачет стрекозка,
Почему я не чайник, не вечно обманчивый жид,
почему я не та из листвы световая полоска!

Престарелые тайны листаешь, пластинки листов ...
На подкрашенном темени красная птичка уселась.
Скоро выгорит запад. У нас догорает восток.
Никуда не годится моя живописная смелость.

Мертвецы захоронят своих мертвецов без стыда.
Уголовная жизнь полнотой окажется медной
Посмотри, как стремится, как плачет морская вода!
Отплываем и мы этой светлой водою бесследной.

П Р И З Н А Н И Е В Л Ю Б В И

Если сердце заслушает, не забываясь, означает
речь громадного мастера яда в рассыпанных искрах стыда.
Обязательно тут же сидящая дева заплачет,
зарыдает двуликого Януса та половина и та.

О, двуликий, учи мастерство преступленью.
Золотая середина, вырождая святош по любви,
не годится творящему любящему для уменья
выживать! Но учивший летать обязательно скажет: плыви.
ПЛЫВИ.

Янус, что за вопросы? Зачем ты колеблешь ребенка?
Дева держится вся из последних, надуманных сил.
Мастер, перемените пластинку! Рифмуйте поближе —
в колонку.

Боже, кто ж это нас до такой сложности упростил?

Я и сам, как в гостях, и домашнего слова не слышу.
Вивисекция рано отпущенных жизнью грехов.

Мастер, не обижайтесь — мы встретимся с вами на крыше.
Что мы собственно можем, когда не читаем стихов.

Янус, я для читателя перепису отходную.

Посмотрите, какая в тенетах моя красота.

Я хотел написать, что любовь иногда именуют ...
только, как именуют, уже отлетела с листа.

Каждой твари по паре. Читатель, следи за изменой:
у возлюбленной лютя, у мастера темный флакон.
Дева больше не плачет. Я ей положил на колени
завалившее яблоко и выхожу на балкон.

Если сердце заслушает, не забываясь, означает ...
только чуть отдышусь ... по стаканчику щелкнем еще.
День как будто бы прожит. Двуликий нас не особачит.
Мастер древнего яда зеленым укроет плащом.

У возлюбленной сад задыхается в пьяном угаре.
У меня под крылом прошлогодняя лютня молчит.
Я хотел написать: кто сердце мое отоварит
в перевернутой Богом за что не известно ночи.

ВЕТРЕННЫЕ СТИХИ О ПТИЧЬИХ ТАИНСТВАХ

Блоковский ветер вернулся из дальних скитаний.
Здравствуй эолова музыка, наша листва
не встрепенется, чтобы дать вам живое название.
Впрочем, простите, я все начинал с баловства.

Сосредоточьтесь тяжелый поэт за пригорком.
Вам не понять, как становится тень "на часы".
Сколько темнеющих пророков по нашим задворкам
души бросают свои на чужие весы.

Я не люблю постоянства пристыженной бездны.
Вот колоколец у друга в дверях — позвоню.
Выпью глоточек свободы его безвозмездной
и романтической песней окно отворю.

Ветер, найди наши честные, чистые струны,
заговори языком побелевших ночей.
Я не забуду безмолвной прогулки, безлунной,
часто дрожавших девичьих, девчачьих плечей.

Но не любовью сведенной к двуличному чуду,
а абсолютной музыкой движем в саду
птенчик, которому вся полюбовная груда
тянется так, словно что-то имеет в виду.

Виды не ваши. Пейзажная жажда без цели.
Только имеющий уши познает пейзаж.
Ветры, авгуры птицы, золотые щели —
с первого взгляда ничем неприметный коллаж.

Здравствуй, авгур, — подстрекатель особенных струнок,
ветряных птиц созерцатель, золотой сын,
птичьих яичек хранитель, строитель скворешневых лунок,
братец поэтов, сегодняшней мой господин.

Что ж, освещайтесь, но в памяти не расходитесь.
Римским жрецам голоногим гадателям птиц
русский птенец, от поэзии видимо витязь,
выскажет слово, глядясь в петропавловский шпигель.

О высоко! О как холодно. Как неизбежно.
Ангел простертый поблизости где-то висит.
Кружит душа. И какой-то мотивчик надрывный
вечную душу его клеветой леденит.

Вера при всей бесконечности исповедален —
есть подсердечная роща для ветреных птиц.
Не притворяйтесь, смутитесь: и вы над Невой пролетали,
не узнавая уступчивых, ангельских лиц.

Птица и ангел — два знака сбывавшейся веры
и воплощение всемирно-известной души.
Сбудется все. И авгура сошлют на галеры
только за то, что он слушать умеет в глуши.

М А Й С К А Я Н О Ч Ъ

Слышишь радости речку? И можно заплыть на спине.
Говорят, что уверенный спит на спине сыроватой.
Значит нянчил не зря приходивший извне,
по ночам задыхаясь соленой, стеклянной ватой.

Вот сумерек роскошь почти перестала пугать.
Этой ночью лиловой на улице белой и длинной
отступного прошу: запрети ей меня вспоминать,
пусть совсем не живет нашей жизнью старинной.

Я прощаюсь навеки и скорби не вижу своей.
Человек к человеку — темнющие силы природы.
Только сухо во рту, только с радостью вьет суховей
и стремятся раздасться небесные своды.

Наблюдатель, ты слышишь молчанье учителя нас?
Я постиг барабан, перестав умиляться свирели.
И поэтому гложу, но слышу, как шепчет Пегас
Геликон, о котором пишу акварели.

Я ли яблоко съел в истерически-ёладкой тоске?
Я ль не радуюсь — вышел живым и ненужным.
Только помню кольцо на веснущатой желтой руке,
только знаю о нашем молчании дружном.

Отдыхающий кам, проводи нашу блажь по реке.
Не за-сма-три-вай-ся в долготу и длинноты!
Ибо неповторимо по страху умирать вдалеке.
А тебе еще нужно прожить по болоту.

У П Р А Ж Н Е Н И Я В С М Е Х Е

Украденного сердца ли земля?

Приходят семь и говорят: мы с вами,
мы для того и созданы, что сами
решим куда, зачем, почто и для ...

Для Князя Тьмы заброшенная жажда
и милосердье без великих дел —
вторичность, пропитавшаяся дважды
целебной грязью бешеных плевел.

Зерно уносит жаждущая птица.
Для Князя Тьмы есть пустошь и весло,
которое летит, поет и снится
всем тем, кому ни разу не везло.

Ты населял и пустоту, и камень
и свет переживался пустотой,
поэтому ты смотришь под ногами:
семь беглых бесов говорят с тобой.

Проиграна татарская ухмылка.
Белеет скатерть на ночном балу.
А на картине голубая вилка,
как женщина зовущая в пылу.

Все соткано из полупустозвонства.

И все гордится сотканностью всех.

И если нам не полюбить пространство,
то только потому, что душит смех.

Горячий смех обугленного слова

над выщербленной памятью лица

нас озаряет и смиряет снова

во имя Духа, Сына и Отца.

Г Е К Т О Р и А Н Д Р О М А Х А

Чем темнее, тем тише. Улыбка мерцает, как птица.
Поцелован и позван к столу, и замечен.
Слышишь шорох толпы? Скоро звон колесницы.
Скоро наши объятая и свечи.

По глотку, по смиренью, по робости с болью,
по мертвящему чувству обиды,
по стечению всех обстоятельств с любовью,
по лицу повидавшему виды ...

По всему, что зовется реальным и внятным,
что назваться умеет без страха,
я хочу промолчать; и кивком непонятым
попрощаться. Молчи Андромаха.

Гектор выслушал жесткость и нежность пустыни,
даже вглядывался в мерцанье.

Он послушен, спокоен и страшен отныне,
потому что умрет, как названье.

А на самом-то деле мечта и молитва
розовела за дальней, за далью:
не с копьем говорю, мол ... не с копьем говорит мол ...
а с песчинкой попавшей в сандалию.

Происходит: лежим, не шелохнется днище.
Дорогая метнулась, как лебедь.
Мы заснем в наготе, в простоте; и почище
чем звезда со звездой на небе.